

К вопросу о жанре эпистолярного произведения

Александр Алексеевич Фокин¹, Маргарита Рафаеловна Аракелова²

¹Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

²Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

аспирант

 0009-0003-4922-0768. E-mail: margo_arakelova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Фокин А. А., Аракелова М. Р., 2024

Аннотация. *Цель* статьи — охарактеризовать письмо в газету как отдельный жанр с точки зрения структуры, функции, отношений между автором и адресатом, специфического содержания и языковых средств, составляющих сферу этой формы коммуникации. Во *Введении* обращается внимание на антропологическую доминанту современных филологических исследований. Предлагается отсылка к архиву писателя, прочтение эпистолярного наследия и как факта его творческой биографии, и как историко-литературного явления. *Теоретическая часть* посвящена осмыслению важнейших подходов к теории жанра, в том числе письма как особого жанра документальной прозы. Актуализируется проблема исследовательского анализа и восприятия писем, характеризуется набор содержательных и формальных показателей жанра. *Аналитическая часть* представлена моделью историко-функционального анализа и интерпретации письма в газету. Заострено внимание на его функциональной специфике. Доказывается, что жанр открытого письма в газету может быть выведен из сферы журналистских жанров и охарактеризован как жанр литературный, имеющий историко-литературное значение. В *заключении* письмо в газету представлено как отдельный

жанр с точки зрения формы, функции; приводятся основные жанровые характеристики. Подчеркивается, что такие жанровые сигналы, как побудительность, целенаправленность, диалогичность позволяют отнести его к произведениям литературы.

Ключевые слова: реализм, модернизм, документальная проза, письмо в газету, жанр, автор, творческая биография, история литературы, И. Сургучев, Ф. Сологуб

Для цитирования: Фокин А. А., Аракелова М. Р. К вопросу о жанре эпистолярного произведения // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 135–147. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-135-147

On the Issue of the Genre of Epistolary Work

Aleksandr A. Fokin¹, Margarita R. Arakelova²

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

² Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Post Graduate Student (Philology)

 0009-0003-4922-0768. E-mail: margo_arakelova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Fokin A.A., Arakelova M.R., 2024

Abstract. The *purpose* of the article is to characterize a letter to the editor as a separate genre in terms of its structure, function, relationship between the author and the addressee, specific content and linguistic means that make up the scope of this form of communication. The Introduction draws attention to the anthropological dominance of modern philological research. References to the writer's archive, the rendition of the epistolary heritage both as a fact of their creative biography and as a historical and literary phenomenon is proposed. The theoretical part is devoted to the understanding of the most important approaches to the theory of genre, including writing as a special genre of documentary prose. The

problem of research analysis and perception of letters is updated. The content and formal indicators of the genre are characterized. The analytical part is presented by a model of historical-functional analysis and interpretation of a letter to the editor. The attention is focused on its functional specificity. It is proved that the genre of a letter to the editor can be removed from the sphere of journalistic genres to a literary genre with its historical and literary significance. In the Conclusion a letter is presented as a separate genre in terms of its form and function; the main genre characteristics are given. It is emphasized that motivation, purposefulness, dialogism as genre signals allow a letter to the editor to be classified as a work of literature.

Keywords: realism, modernism, documentary prose, a letter to the editor, genre, author, creative biography, history of literature, I. Surguchev, F. Sologub

For citation: Fokin A. A., Arakelova M. R. On the Issue of the Genre of Epistolary Work. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 1: 135–147. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-135-147

1. Введение

Сегодня в филологической науке все большее развитие получают антропологические исследования. Одно из направлений в работах подобного рода — повседневная жизнь человека, человека творческого, писателя, поэта. Ученые пытаются понять, каким образом человек строит свой мир, осваивает мир окружающий, как приспосабливается к нему; как он строит свой художественный мир — мир своих произведений, мир своей творческой биографии. Такая ориентация на взаимовлияние микромасштаба и макромасштаба личности творца требует привлечения соответствующих источников, благодаря которым формируется определенная точка зрения на предмет исследования. Безусловно, одним из видов источников для таких исследований служат материалы архивов, в том числе личных архивов, в частности отложившееся в них эпистолярное наследие, личная переписка.

В начале XX в. выдающийся русский мыслитель В. В. Розанов заметил, что когда-нибудь письма «станут самым любимым предметом чтения». По его мнению, интерес к письмам возрастет в связи с падением интереса «к форме литературных произведений как

некоторому искусственному построению, условно нравящемуся в данную эпоху, и нарастает интерес к душе их, т. е. к той душевной, внутренней мысли автора, с которой он писал свое произведение» [Розанов 1995: 430].

Это и движет нашим желанием предложить читателям, ищущим разгадку личности писателя, исповедание его «я», но не в образах и символах, встроенных в жесткую структуру художественной формы, а в его «документальной» прозе как совокупности всех мотивов, запечатленных то пространно, то отрывочно, но всегда сложно, что подчеркивает ее значительность и привлекательность.

2. Методологические предпосылки

«Документальная» проза, к которой, безусловно, относятся письма, представляет собой отдельный вид художественной словесности или особый ее жанр. Большинство ученых предпочитают рассматривать «документальную» литературу как самостоятельный вид со своим набором жанров. Как указывает в своей статье Е. Г. Местергази, «часто относимый к „фактографическим“, эпистолярный жанр при ближайшем рассмотрении далеко не всегда выступает таковым, будучи отмеченным ярко выраженной художественностью» [Местергази 2007: 351]. В этой связи не лишне напомнить о дискуссионности в современной теории литературы самого понятия «жанр». Так, к «необходимости развития и углубления положений и дефиниций» призывала А. Я. Эсалнек [Эсалнек 1985: 19–20], а Л. В. Чернец настаивала на разграничении «задач жанровых типологий» [Чернец 1992: 10]. В. Е. Хализев в «Теории литературы» также указывал, что «жанры с трудом поддаются систематизации и классификации (в отличие от родов литературы), упорно сопротивляются им» [Хализев 2002: 319]. В этой связи теоретик рекомендовал сосредоточиться на специфичности жанров для каждой художественной культуры, на их разном историческом объеме.

Важнейший момент, безусловно, определяющий сложность исследовательского анализа и восприятия писем, как одного из «документальных» жанров, связан с их функционированием сразу в нескольких плоскостях.

Во-первых, письмо относится к так называемым чистым (пер-

вичным) жанрам, т. е. жанрам с преобладающим документальным началом.

Действительно, письмо как письменное послание, созданное по определенному канону, возникло как способ коммуникации в повседневной практике и не рассматривалось всерьез как часть литературы и искусства.

Именно это обстоятельство вызывало у некоторых исследователей сомнение в существовании эпистолярного жанра. Так, С. С. Аверинцев полагал, что «под знак» письма «может быть поставлен текст, характеризующийся содержательными и формальными приметами любого литературного жанра» [Аверинцев 1996: 199]. Согласимся, письмо не что иное, как часть повседневной жизни, не ее отражение, а именно часть этой действительности, в которой и автор, и адресат (кем бы он ни был) — участники, носители культурного сознания.

Однако повествовательная структура письма характеризуется предельной субъективностью позиции автора; прямым авторским обращением к адресату, побуждением адресата к диалогу, неотложным активным действиям; опосредованной реакцией на некие события, факты, литературу (интертекстуальность в самом широком смысле); образным, т. е. художественным отражением действительности; употреблением личных (подлинных) имен; особым языком, стилем изложения [Местергази 2007: 352; Тертычный 2000: 103]. По замечанию В. Б. Шкловского, письмо «ограничивает пишущего уже тем, что он точно представляет себе адресата и его восприятие» [Шкловский 1974: 152].

Действительно, жанр письма характеризуется набором индивидуальных содержательных (информативная и коммуникативная функции; материал, соотносимый с личностью адресата) и формальных (эпистолярный этикет: дата, обращение к адресату в начале и конце письма и т. д.) показателей. Как писал Ю. М. Лотман, «представляется совершенно естественным, что адресант и адресат обладают полностью идентичной кодовой природой», наличие кода определяет такие специфические черты письма, как «недоговоренность, фрагментарность, намеки» [Лотман 1978: 13].

Именно этот код, т. е. ориентация письма на конкретного чита-

теля дает возможность утверждать, что письмо, имеющее определенную структуру, особый стиль, установленную коммуникативную направленность, функционирует как литературное явление в соответствии со своими жанровыми особенностями и уровнем художественной правды, опирающейся прежде всего на достоверность факта. В этом случае письмо становится не только носителем смысла, но и предметом вымысла, обретает эстетическое значение.

И здесь вновь хочется обратиться к размышлениям В. В. Розанова, который писал: «Вот посмертно печатаются письма, написанные к приятелям и полуприятелям, к друзьям, к врагам, к родным; написанные впопыхах, среди дела, и о которых большею частью автор через полчаса забывает. И в них его личность вдруг встает вся, и притом „как есть“. Сочинения автора — это то, чем он хотел казаться. Письма его — то, что он есть. В „сочинениях“ он всегда играет роль. Ну, искренно, ну, гениально. Но только в письмах он — без роли; смиренный актер, без грима и костюма, который ест свой скромный ужин. Взглянуть на такого, послушать такого — тоже интересно». «По интересу или безыntересности частных писем, — далее убеждает В. В. Розанов, — мы, собственно, и можем только после смерти без ошибок оценить, прошел ли в литературу настоящий писатель или лишь ложное его подобие» [Розанов 1995: 431].

3. Анализ жанровой модели письма

Жанр письма, какие бы формальные и содержательные показатели его ни отличали от других первичных жанров, принадлежит литературе, является неотъемлемой частью литературы. Докажем это на примере историко-функционального подхода к одному из писем писателя И. Д. Сургучева.

*«В редакцию газеты «Биржевые ведомости»
13 ноября 1912 года, Санкт-Петербург»*

Милостивый государь, господин редактор!

В вашей уважаемой газете напечатано письмо г<осподина> Сологуба, в котором он, очевидно, к моему сведению, сообщает, что символизм и мистицизм принято разграничивать. Но в пере-

даче вашей газетой моих слов, как и следовало бы, слово „мистика“ было взято в кавычки, — и для всякого, имеющего очи, было ясно, что я говорил не о мистике, а о „мистике“. А мистику и «мистику» тоже, если не ошибаюсь, принято разграничивать. Посему разъяснение г<осподина> Сологуба почитаю ко мне не относящимся.

Что касается волос мистики, то должен сознаться, что и я, подобно г<осподину> Сологубу, их не видывал; но как в быту при­тягивали за волосы „мистику“ — это я видел, и не так давно. Очевидно, на „мистику“ в это время надевали парик.

Примите и проч.

И. Сургучев» [Сургучев 1912: 8].

Письмо И. Д. Сургучева имеет ряд этикетных формальных показателей: указание адресата, дата написания, подпись в конце письма. Однако обращено оно, и это уже содержательный показатель, не столько к редактору газеты, сколько к лицу, упоминаемому в письме, а именно к писателю Ф. К. Сологубу, поскольку было ответом на его письмо в той же газете от 11 ноября [Сологуб 1912: 7], т. е. и редактор, и сама газета являются опосредованным адресатом.

Прием открытого письма, письма в прессу — это уже не частная переписка между людьми. Публикация письма делает его достоянием массовой аудитории, а не одного лица или группы лиц. Прибегая к подобной форме коммуникации со своим, как становится известным из содержания, оппонентом, И. Д. Сургучев приспособил форму личной переписки для нужд литературы, литературного процесса, литературных обстоятельств, в которых он, как молодой, начинающий писательскую карьеру автор, оказался осенью 1912 г.

Следует заметить, что никакие личные обстоятельства или мнения не были бы замечены редакцией газеты, если бы в письме И. Д. Сургучева не затрагивались интересы широкой аудитории. Обстоятельства, которые могут привести к общественному резонансу или уже вызвали его, стали необходимым условием его открытой публикации.

Газетные публикации в жанре письма называют эпистолярной

журналистикой. В прессе издавна было принято помещать под рубрикой «Письма читателей» разного рода материалы, поступавшие в редакцию по почте. Этого требовал диалог периодического издания с читателями. Позже жанр открытого письма стал функционировать и как отдельный журналистский жанр и как редакционный прием: психологическая установка, что письмо — это то, что человек думает на самом деле, закрепившаяся в сознании людей в течение многих веков, не могла не учитываться журналистами.

И. Д. Сургучев использовал этот фактор, прибегая к такой разновидности эпистолярного жанра как «открытое письмо» в газету. В письме четко выделен и назван круг адресатов. И это не только писатель Ф. К. Сологуб, почитатели его поэтического и писательского таланта, но и представители и сторонники такого направления в искусстве и литературе начала XX в., как символизм. Тон письма поучительный, и даже оскорбительный. *«Я говорил не о мистике, а о „мистике“»,* — пишет И. Д. Сургучев. *«Как в быту притягивали за волосы „мистику“ — это я видел, и не так давно»,* — намекает он на постановки пьес писателей-символистов в театре. И. Д. Сургучев рассчитывал, что газета использует его письмо, надеясь на незамедлительное вмешательство его оппонентов в дискуссию по «вопиющему» для искусства и литературы тех лет вопросу о соотношении мистического и символического в художественном произведении, ибо такая публичная дискуссия как раз и могла обернуться решением обсуждаемой в обществе актуальной проблемы.

Публикацией письма И. Д. Сургучев достаточно полно использовал возможности жанра «открытого письма». Через газету он бросил публичный вызов своему оппоненту, приглашение на открытую «арену», где на виду у всех он продемонстрирует не только свой талант и профессиональные качества, но и личное мужество, интеллект, нравственную стойкость. Безусловно, дуэль, пусть и интеллектуальная, требовала следования определенным правилам, и И. Д. Сургучев эти правила не только соблюдает, но и намекает своему «противнику» на законы общественной дискуссии. Об этом свидетельствует уважительная манера подачи информации, опосредованное, через редактора как секунданта обращение к оппоненту, использование оборота сравнения с оп-

понентом («подобно г. Сологубу») и извинительной конструкции («Посему разъяснение г. Сологуба почитаю ко мне не относящимся»).

Расчет был верен. Мало кому, особенно в среде творческой, понравился бы такой вызов. В результате между автором письма и его реальным адресатом возник конфликт, который был четко уловлен аудиторией, верно понят редакцией газеты. Письмо было опубликовано, конфликт И. Д. Сургучев — Ф. К. Сологуб, разумеется, привлек читателей, которых редакция «Биржевых ведомостей» побуждала следить за каждым номером газеты, держала в состоянии напряженного ожидания, что может появиться ответ на это письмо. И ожидания публики были вознаграждены.

Дискуссия, спровоцированная данным письмом, переросла в очередное открытое противостояние двух противоборствовавших литературных направлений — реализма и символизма. На страницах не только «Биржевых ведомостей», но и других петербургских и московских изданий в течение нескольких месяцев публиковались письма, статьи, интервью как в поддержку позиции И. Д. Сургучева, так и Ф. К. Сологуба, печатались отчеты о публичных дискуссиях и диспутах, которые проходили не только в писательской, но и в артистической, студенческой среде. Не обошла вниманием этот конфликт и провинциальная пресса тех лет.

Позицию символистов в этом набухшем эстетическом споре конца 1912 г. отстаивали и защищали литературный критик Д. В. Философов, лидер символистов Д. С. Мережковский и поэтесса З. Н. Гиппиус. Им противостояли сторонники реализма, классической литературной традиции, среди которых историк литературы Ф. Д. Батюшков, философ и публицист А. Басаргин (А. И. Введенский), литературный критик А. А. Измайлов. В полемике в разных формах участвовали члены литературно-театрального комитета при императорских театрах: драматург и театральный критик М. И. Чайковский, историк литературы и театровед П. О. Морозов, академик Петербургской академии наук Н. А. Котляревский, профессор-театровед И. И. Иванов, режиссер и драматург А. И. Южин-Сумбатов, историк литературы, профессор А. И. Кирпичников и др.

В 1913 г. литературно-критическая полемика переросла в противостояние театральной критики, особенно, когда стало известно о том, что пьеса И. Д. Сургучева «Торговый дом» прошла цензурные процедуры и утверждена литературно-театральным комитетом к постановке в Императорских театрах (сезон 1913–1914 гг.) [Фокин 2020: 40–41]. По одну сторону «баррикад» сплотились приверженцы русского классического театрального искусства, артисты и сторонники Императорских театров (М. Г. Савина, В. Н. Давыдов), а по другую — модернисты и театральные экспериментаторы (Е. П. Карпов, Ю. Э. Озаровский, Ю. Слонимская¹, М. Ф. Гнесин), возглавляемые В. Э. Мейерхольдом. В центре внимания оказались уже пьесы Ф. К. Сологуба («Заложники жизни») и И. Д. Сургучева («Торговый дом»). Так, 27 ноября 1913 г. в зале Калашниковской биржи под председательством известного критика и фольклориста Е. В. Аничкова состоялся диспут о современном театре, точнее, о современном репертуаре российских театров. В своем вступительном слове он сетовал на упадок современного бытового репертуара, приводя в пример «Торговый дом» И. Д. Сургучева, и требовал ставить пьесы А. А. Блока, А. М. Ремизова и других новаторов-драматургов, в которых ему виделось спасение русского театра [Волков 1929: 325]. В жарких диспутах порой звучали оскорбительные призывы, которые приписывались В. Э. Мейерхольду, «бросать гнилыми яблоками в артистов, играющих такие пьесы, как „Торговый дом“», что вынудило режиссера-новатора, в конце концов, и Ф. К. Сологуба, предварительно договорившись, о чем свидетельствует их переписка, публично извиняться перед театральной публикой и артистами Александринского императорского театра [Мейерхольд 1913: 3].

4. Заключение

Исследовательские материалы о письмах в прессу рубежа XIX–XX вв. свидетельствуют о том, что они изучались в основном как средство участия читателей в общественных дискуссиях. Такие письма явно обойдены вниманием исследователей жанра, хотя крупицы «документальной» прозы, безусловно, должны считаться отдельным жанром. Нет сомнений в том, что письма, подобные

¹ Псевдоним Юлии Леонидовны Сазоновой.

анализируемому письму И. Д. Сургучева, написаны специально для прессы и представляют собой особый жанр или тип текста, контрастирующий по внутри- и экстралингвистическим признакам с другими жанрами или типами текста. В нем присутствуют черты диалога, предназначенного для передачи другим людям через редактора газеты, личного мнения по вопросам, о которых либо сообщалось ранее в газете, либо упоминалось другими писателями. Оно раскрывает свой семантический потенциал через репертуар прагматических, структурных и стилистических компонентов.

Следовательно, данное письмо может быть охарактеризовано как отдельный жанр с точки зрения структуры, функции, отношений между писателем и получателем, специфического содержания и языковых средств, все из которых смешиваются и переплетаются друг с другом, составляя сферу этой формы коммуникации.

С одной стороны, жанровые показатели письма соответствуют тем, что характерны для других эпистолярных текстов и отвечают эпистолярному этикету. В частности это так называемое «эпистолярное намерение» автора передать в письменной форме некую информацию или некие представления другому человеку, который удален во времени и пространстве, с надеждой или ожиданием ответа, а также риторические конвенции, сочетающиеся с авторскими стилистическими особенностями И. Д. Сургучева, его специфическими и характерными словоупотреблениями, синтаксическими конструкциями.

С другой — важным жанровым сигналом данного письма является его побудительная сила. Сам факт его публичной открытости обозначает собственное бытие этого письма как через пропозициональное содержание, так и через тот факт, что оно обеспечивает коммуникацию, которая в противном случае была бы невозможна из-за отсутствия иной связи (буквально или фигурально) между автором и адресатом. Фактически акт составления и размещения письма в газете заранее сигнализирует о намерении автора поделиться своим мнением, а редакция издания, получив его, знает, зачем оно было написано и отправлено в газету. Целенаправленное намерение, заключенное в письме, позволяет отнести его к функциональным текстам.

И третье. Существенной отличительной чертой данного письма является его диалогичность. Автор в какой-то степени наставляет им на определенной форме обмена мнениями — форме открытого письма, открытого для публики диалога. В этом случае письмо становится «документом жизни», который позволяет понять отношения между автором и его адресатом, позволяет понять историческую эпоху, в которую оно было написано. Оно не прочитывается вне координат и контекста эпохи, вне контекста и хронологии биографии автора, вне литературного процесса 1910-х гг. и предстает, таким образом, литературным фактом, значимой частью творчества писателя и истории литературы.

Вписать это письмо в исторический контекст, в биографию автора и его современников, в историю литературы, учитывая все факты, как предшествовавшие его появлению, так и последовавшие за ним, осмысление и интерпретация этих фактов — задача дальнейших исследований.

Источники

- Мейерхольд 1913 — *Мейерхольд В.* Инцидент исчерпан // Петербургская газета. С.-Пб. 1913. № 344. 15 дек. С. 3.
- Сологуб 1912 — *Сологуб Ф.* Письмо редактору «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. С.-Пб. 1912. № 13243. 11 нояб. С. 7.
- Сургучев 1912 — *Сургучев И.* Письмо в редакцию газеты «Биржевые ведомости» // Биржевые ведомости. С.-Пб. 1912. № 13248. 14 нояб. С. 8.

Литература

- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
- Волков 1929 — *Волков Н.* Мейерхольд: в 2-х тт. Т. 2: 1908–1917. М.: ACADEMIA, 1929. 493 с.
- Лотман 1978 — *Лотман Ю. М.* Феномен культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 463. (Труды по знаковым системам. 10). Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1978. 145 с.
- Местергази 2007 — *Местергази Е. Г.* Специфика функционирования эпистолярного жанра // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Язык и литература. 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 351–357.
- Розанов 1995 — *Розанов В. В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995.

734 с.

- Тертычный 2000 — *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 158 с.
- Фокин 2020 — *Фокин А. А.* Театр Ильи Сургучева в истории русского зарубежного театра // KANT: Social science & Humanities. 2020. № 1 (3). С. 40–51.
- Хализев 2002 — *Хализев Е. В.* Теория литературы: учебник. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.
- Чернец 1992 — *Чернец Л. В.* Функционирование литературных произведений как теоретическая проблема: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 33 с.
- Шкловский 1974 — *Шкловский В. Б.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. 3. М.: Худож. лит., 1974. 814 с.
- Эсалнек 1985 — *Эсалнек А. Я.* Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М.: МГУ, 1985. 183 с.